

крестьянских повинностей и некоторых других сторон социально-экономической жизни деревни XVII в. При этом представляется бесспорной необходимость учитывать не только существенные различия разных типов писцовых книг, но и особенности разных книг одного и того же типа. Следует считать, что степень полноты и репрезентативности выводимых на основании писцовых книг показателей зависит и от объекта описания. Обычно более точными являются данные об общей численности дворов, менее точными — данные о соотношении крестьянских и бобыльских дворов (число последних бывает в государственных переписях завышенным, а первых — заниженным). В книгах 1620-х гг. нет единства учета мужского населения в дворах: иногда учитываются только «люди» — главы семейств (как в XVI в.), а иногда все взрослые мужчины (как в переписных книгах 1640-х гг.).

Количество дворов, положенных в живущую четь и в живущую выть, сильно различалось по уездам, по годам и даже в пределах одной и той же книги. Не приходится отрицать тут некоторый произвол писцов. Но все эти различия в размерах живущей чети и живущей выти легко вскрыть на основании самих писцовых книг и другой писцовой документации. Они не мешают сравнительно точному определению тягости повинностей в расчете на соху, четь, выть и, наконец, на двор.

Наименее полным был учет пустых и порозжих земель, и хотя писцы стремились как можно лучше их учесть, полученные ими цифры дают лишь приблизительную картину запустения. Можно констатировать его ужасающие размеры и с привлечением данных о численности живущих дворов наметить тенденции к преодолению или, наоборот, усугублению пустоты. Но к произведенным по книгам подсчетам нужно подходить с большой осторожностью.⁶⁵

Особое внимание должно быть уделено вопросу о репрезентативности тех скудных данных по уездам, которые дают нам писцовые книги периода ужасающего запустения первой четверти XVII в. При статистической обработке этих данных существенную роль должно сыграть порайонное изучение описей.

Я. Г. СОЛОДКИН

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕЛЬСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Одним из самых заметных событий в летописеведении последнего времени стало открытие В. И. Корецким Вельского летописца XVII в. Этот памятник, известный в единственном списке (ГИМ, собр. Ува-

⁶⁵ Особенную осторожность следует проявить при сравнении пустоты в 1580-х и в 1620-х гг. в Новгородских пятинах и в ряде северных районов. В связи с переходом на десятичетвертную обжу выраженные в четвертях и обжах перелог и лесом поросшая пашня перестали отражать сколько-нибудь точно их реальные размеры (Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 13.).

рова, № 569), привлек еще внимание А. Н. Насонова, который отметил в нем более или менее оригинальные сведения о смерти Федора Ивановича, царствовании Бориса Годунова и последующих событиях.¹ В. И. Корецкий же установил, что данный летописец является самостоятельным произведением и служит ценным источником по отечественной истории конца XVI—XVII в., особенно «Смутного времени». Это, в частности, первый дошедший до нас летописец, сообщающий о закреплении крестьян. Его автор нередко интересовался событиями, происходившими в западных уездах России, преимущественно в Бельском уезде. Составителя летописца занимало и положение служилого люда. Поэтому В. И. Корецкий связывает происхождение памятника со служилыми людьми западнорусских уездов, предположительно района г. Белая.²

Однако, как заметил Р. Г. Скрынников, источниковедческое изучение летописца пока не проведено в полном объеме.³ Это касается, в частности, датировки произведения, его структуры и источников.

Согласно В. И. Корецкому, Бельский летописец доведен до 1632 г. и составлен около этого времени, в обстановке Смоленской войны.⁴ Р. Г. Скрынников датирует памятник 30-ми гг. XVII в.⁵

В найденном списке летописец не имеет конца, он обрывается на словах: «И во 170. . . прислана государю . . . лку у боярина князь Григорья Семеновича Куракина».⁶ В. И. Буганов эти слова считает поздней припиской.⁷ Но ведь ранее читаем, что после роспуска служилых людей по домам в с. Красном они живут уже третий год, начиная со 173-го, т. е. 1664/65 г. Пространный рассказ летописца о событиях 1632/33 г. обрывается на известии о приходе «на Белую»

¹ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. IV. С. 264.

² Корецкий В. И. 1) Закрепление крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 100; 2) Новое о крестьянском закреплении и восстании И. И. Болотникова // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130—139; 3) Новая летопись о «Смутном времени» // Знание—сила. 1972. № 1. С. 46—48; 4) Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 70—71; 5) Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры: Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 22—24. — Следовательно, нельзя считать, подобно Р. Г. Скрынникову, что Бельский летописец первым выявил А. Н. Насонов (*Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени»*. М., 1980. С. 202, примеч. 31).

³ Скрынников Р. Г. 1) Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. С. 172; 2) Россия накануне «Смутного времени», С. 160.

⁴ Корецкий В. И. 1) Новое о крестьянском закреплении... С. 130, 131; 2) Формирование крепостного права... С. 70, 71. — В популярной статье о Бельском летописце исследователь относит его к первой трети XVII в. (*Корецкий В. И. Новая летопись... С. 47*).

⁵ Скрынников Р. Г. 1) Россия после опричнины. С. 173; 2) Россия накануне «Смутного времени». С. 160.

⁶ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 271 (л. 354 об.). — Число лет в этой фразе не дописано (там же. Примеч. «р»).

⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 6.

князя М. В. Белосельского и оставлении его там «не со многими людьми». Повествование возобновляется со слов: «и с Москвы тот немчин ушел», т. е. начало данного отрывка утрачено. Затем говорится о безрезультатности поисков «немчина», возвращении боярина И. С. Прозоровского в Карачев к Я. К. Черкасскому, их походе к Брянску, потом в Прудки Смоленского уезда, оттуда под Шклов на литовского гетмана Паца и обратно к Смоленску. После «стояния» под Смоленском воеводы через Мигновичи вновь двинулись на Паца под Шклов; гетман бежал в Могилев и укрылся «в валу», будучи не в силах дать открытый бой. Вскоре Я. К. Черкасский и И. С. Прозоровский были отозваны в Москву. Их сменили боярин Ю. Долгорукий и окольниковый Ю. Барятинский; первый из них выступил к Копысы, Дубровне, Горам, затем отошел в Красное, где, «пересмотрев», распустил по домам служилых людей.⁸ Эти события происходили не во время Смоленской войны, а в 1664 г.⁹ Примечательно, что Смоленск в последней летописной статье представлен русским городом. Освобожден же он был в 1654 г. В рассказе о взятии Белой в 1632 г. сообщается о князе И. С. Прозоровском; в концовке летописца он назван боярином. Боярство И. С. Прозоровский получил в 1657 г.¹⁰ На время русско-польской войны 1654—1667 гг. падает, между прочим, деятельность остальных воевод, фигурирующих в заключительной летописной статье.¹¹ По сообщению летописца, после смогра и роспуска по домам «по се время 3-ий год — 173 и 174 и 176-й по домам живем». Из этих слов ясно, что автор сам был участником кампании 1664 г. Но третий год, начиная со 173-го (1664/65), — 175-й, а не 176-й. Эта ошибка летописца объяснима. Вспомним, что в последней, не полностью сохранившейся фразе под 170 г. шла речь о полке боярина Г. С. Куракина. В 176—177 (1667/68—1668/69) гг. этот полк находился в Севске, Путивле и «черкасских» городах. Правительство придавало действиям войск Г. С. Куракина большое значение; впоследствии к борьбе с разинцами привлекались помещики и вотчинники, не бывшие на этой службе.¹² Очевидно, в конце списка говорилось о событиях 1667/68 г.,

⁸ Там же. С. 271 (л. 354). — В издании читаем об отходе русских войск в горы и пребывании их в горах. Но в данном случае публикатор допустил неточность в передаче текста. Автор летописца имел в виду г. Горы недалеко от Дубровны.

⁹ См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 168, 170—171; *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII века: (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960. С. 71—74, 83—84; *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 130. — В одной работе описанные летописцем события под Могилевом относятся к 15 июля 1665 г. (Хроника белорусского города Могилева. М., 1887. С. 27—28), но это ошибка.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 270, 271; *Лизачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 187, примеч. 1.

¹¹ Помимо указанных работ см.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 170, 171; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 306—307; *Загорский В. Н.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 33—35, 39.

¹² Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. I. С. 192, 201, 223, 235; 1957. Т. II, ч. 1. С. 27, ср. с. 482; см. также: *Соловьев С. М.* История России... Кн. VI. С. 610.

ранее которого летописец, следовательно, не мог возникнуть (по крайней мере целиком).

Таким образом, в сохранившейся рукописи отсутствует текст летописца за 1632/33—1664 гг. Есть и еще несколько значительных пропусков, причем все они приходятся на заключительную часть памятника. На л. 347 прерывается рассказ об условиях Столбовского мира; следом читаем уже об отходе русских войск от Смоленска. Налицо пропуски между сообщениями о посылке воевод против королевича Владислава и уходе гарнизона и жителей «з Белой» (л. 348), осаде Москвы гетманом Сагайдачным в 1618 г. и «разборе» служилых людей правительством Михаила Федоровича (л. 349),¹³ между известием об отправке в Крым посла С. Тарбеева и шертгой грамотой хана Магмет-Гирея (л. 351),¹⁴ этой грамотой и повествованием о Смоленской войне (л. 352).¹⁵ Не сохранилось и начало памятника. По предположению В. И. Корецкого, летописец открывался по крайней мере описанием событий середины 1560-х гг., так как в нем говорится об опричнине.¹⁶ Однако как опричнину автор расценил частичное разрешение крестьянского «выхода» в 1601 г., что показывает, сколь мутно представлял он время Ивана Грозного.¹⁷ Возможно, летописец начинался с рассказа о более поздних событиях, о чем свидетельствуют косвенные данные. Согласно первой летописной статье, сообщающей о смерти Федора Ивановича (1598 г.), его жена — царица Ирина Федоровна, Федорова дочь Годунова». Бракам же царей Василия Шуйского и Михаила Федоровича отведены специальные статьи. В рассказе «О Гришке Отрепьеве» упомянут царевич Дмитрий, «который убыен на Угличе». Стало быть, в летописце сообщалось об угличском деле 1591 г. Про Бориса Годунова сказано, что это «прежебывый при ином государе всея земли мудрый и милостивый правитель всем сирым и вдовицам беспомощным».¹⁸ Видимо, об этом уже рассказывалось в летописце.

Автор говорит о смерти бывшего царя Василия в польском плену (1612 г.) и погребении его «на распутиях» между Краковом и Вар-

¹³ Надо думать, что эта купюра значительна, так как в несохранившемся тексте должно было рассказываться о военных действиях осени 1618 г., заключения Деулинского перемирия, размене пленных между Россией и Речью Посполитой, возвращении на родину Филарета Романова и его возведении на патриаршество.

¹⁴ С. Тарбеев был послан в Крым в 1627 г., шерт же хан принес в 1623 г. (*Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 111, 190, 437). Следовательно, в летописце допущена хронологическая путаница. По-видимому, в этом виноват переписчик, не разобравшийся в последовательности изложения из-за обрывов в рукописи.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 265, 266, 268. — Перед третьим из этих обрывов, как и перед пропуском текста за 1632/33—1664 гг., утрачены одно-два слова; по одному слову пропущено на л. 338 об., 339 об.

¹⁶ *Корецкий В. И.* 1) Новое о крестьянском закрепощении. . . С. 130, 139; 2) Новая летопись. . . С. 47.

¹⁷ *Скринников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. С. 173, примеч. 23; 2) Россия накануне «Смутного времени». С. 202—203, примеч. 35. — Учтем также, что закрепощение крестьян летописец относит ко времени Грозного.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 238, 241; ср. с. 198, 200, 235.

шавой, но не пишет о перенесении останков Шуйского в Москву в 1635 г. Отсюда В. И. Корецкий тоже заключает, что летописец составлен в начале 30-х гг. XVII в.¹⁹ Но, как он сам признает, «молчание источников само по себе не может служить сколько-нибудь убедительным аргументом».²⁰

Не сообщая о возвращении на родину праха Василия Шуйского, автор, может быть, просто не захотел забегать вперед. Недаром в летописце мы не встречаем сознательных нарушений хронологической последовательности. Далее, правительство Михаила Романова придало перенесению останков Шуйского в Россию значение крупного политического акта. Гроб с прахом бывшего царя торжественно встречали по пути следования, в том числе в западнорусских уездах,²¹ которыми интересовался летописец. Возможно, возвращению праха Шуйского на родину автор посвятил специальную статью.

Наконец, едва ли бы составитель летописца, внимательный к событиям в западных районах страны, оставил читателя в неведении об исходе Смоленской войны.

Список Вельского летописца датируется по филиграммам 30—40-ми гг. XVII в.²² Почерк двух последних его листов не разнится от почерка, который встречаем на листах, где излагаются события Смоленской войны. Поскольку нет достаточных оснований считать концовку летописца поздней припиской, нужно думать, что он написан на очень залежалой бумаге. Возможно, это связано с появлением списка в провинции.

С точки зрения В. И. Корецкого, автора особенно интересуют западные уезды России, преимущественно Вельский, поэтому летописец следует приурочить скорее всего к району Белой и считать памятником местного характера.²³ Анализ структуры летописца позволяет сделать несколько иные выводы.

При подсчете выделенных заголовками статей памятника оказывается, что только пять из них посвящены событиям «на Белой». Это статьи «О бельском взятъе» (захвате Белой войсками А. Гонсевского весной 1610 г.), «О посылке под Белую» в 1613 г. войск князя Д. М. Черкасского и освобождении города, «О побой ротмистра» пана Синявского «с изменники» в Вельском уезде в 1615/16 г., о «присылке» под Белую войск королевича Владислава осенью 1611 г.,

¹⁹ Корецкий В. И. Новая летопись. . . С. 47.

²⁰ Корецкий В. И. Формирование крепостного права. . . С. 232.

²¹ Соловьев С. М. История России. . . М., 1961. Кн. V. С. 184—185; Виноградов И. П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890. С. 46; Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше: 1610—1910 гг. Москва; Варшава, 1910. Т. 1. С. 130; ср. с. 128—129. — Попутно отметим, что в летописце не сообщается о пребывании арестованных Жолкевских Дмитрия и Ивана Шуйских в Белой в 1610 г. Об этом факте см.: Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский. . . Т. 1. С. 12.

²² Корецкий В. И. Формирование крепостного права. . . С. 70, примеч. 50. — См. также предисловие (с. 7). Выражаем глубокую признательность нашему известному флиграноведу Т. В. Диановой, которая по просьбе автора провела дополнительное изучение водяных знаков рукописи.

²³ Корецкий В. И. 1) Новая летопись. . . С. 47; 2) Послание патриарха Гермогена. С. 22.

взятии Белой отрядом князя С. В. Прозоровского в ноябре 1632 г. Не имеет заглавия летописная статья, сообщающая о начале осады Белой А. Гонсевским и Хвастовцом «с товарищи» в 1609 г. Еще в одной статье, начало которой утрачено, рассказывается об уходе гарнизона и жителей Белой в Москву (1618 г.).²⁴

Кроме того, 13 летописных статей содержат упоминания о событиях «на Белой»: о страшных бурях 1599/1600 и 1624/25 гг., учреждении застав «от литовского рубежу» в 1602/03 г., приходе белян на выручку правительству Шуйского в 1606 г., захвате тушинцами в 1608 г. Марины и Юрия Мнишек с «товарищи» «за тридцать верст Белой в селе Верховье»,²⁵ приходе бельских дворян и детей боярских на помощь М. В. Скопину-Шуйскому в Торжок в 1609 г., участии белян в нижегородском ополчении, походе Гонсевского из Белой к Торопцу (1612/13 г.), движении войск Д. М. Черкасского из Белой под Смоленск в 1613 г., отправке туда же ротмистра Синявского «Бельским уездом» в 1615/16 г., посылке 1 августа 1632 г. из Москвы под Белую отряда С. В. Прозоровского и И. Г. Кондырева, нападении стоявших в Белой русских войск на Велижский уезд, приходе зимой 1632/33 г. «на Белую» воеводы М. В. Белосельского.²⁶ В этих же статьях подчас говорится о делах в других западных уездах страны. Событиям в Торопецком, Ржевском, Холмском, Великолуцком уездах посвящены 15 специальных статей, в шести статьях о них сказано мимоходом. При этом «бельские» статьи летописца отличаются во многих случаях от остальных «западнорусских» большей обстоятельностью.

Летописные сообщения о событиях «на Белой» помещены под 7108, 7111, 7115—7118, 7120—7122, 7124, 7126, 7133, 7140, 7141 гг., в других перечисленных западнорусских уездах — под 7108, 7111, 7116, 7117, 7119, 7121, 7124, 7133, 7134, 7140 гг. Значительные пропуски падают, следовательно, на 7127—7132, 7135—7139 гг. При этом известие о бурях и выходе горы на оз. Бросна в 40 верстах от Торопца, помеченное 7133 г., во многом дублирует аналогичное сообщение за 7108 г., а под 7134 г. рассказано о «чудесном» явлении в Торопецком уезде.²⁷ Подробно описан уход гарнизона и жителей из Белой в 1618 г., автор вновь проявляет осведомленность в западнорусских делах фактически с повествования о Смоленской войне. В этой связи отметим, что, по летописцу, в 1618 г. бельские дворяне и дети боярские, стрелецкие и казацкие головы, атаманы, казаки, стрельцы и «всякие жилецкие и черные люди» пришли в Москву «из осаду, з Белой», не желая сдаваться королевичу Влади-

²⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 251, 254, 262, 264—266, 270. — Кстати, согласно летописцу, Белая была захвачена в 1610 г. после годичной осады; по другим данным, осада длилась вдвое меньше (*Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский. . .* Т. 1. С. 12).

²⁵ Из отписки смоленских воевод в Москву (вскоре после 16 августа 1608 г.) узнаем, что Мнишки действительно были отбиты тушинцами в с. Верховье Вельского уезда. Согласно отписке, беляне тогда присягнули «Вору» (Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 732), о чем летописец умалчивает.

²⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 239, 240, 244, 248—249, 251, 259, 261—263, 267, 269—270.

²⁷ Там же. С. 239, 267.

славу.²⁸ Не был ли в их числе составитель летописца, использованного затем при создании памятника в целом? От земляков, очутившихся в Москве, он мог получить и соответствующую информацию.²⁹ Вспомним также, что по условиям Деулинского перемирия Белая отошла к Речи Посполитой.

Большинство статей летописца (по нашему подсчету, 161) посвящено событиям общерусского характера. Они происходили в Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске, Нижнем Новгороде, Вологде и других местах. Об интересе составителя к столичным делам свидетельствуют, например, рассказы о пожаре 1599 г., отстройке Китай-города, «О великом рву», «О Иване Великом», «О солношном знаменье» в Московском уезде зимой 1601/02 г., резиденции датского королевича летом 1603 г., погребении Бориса Годунова, грома и молнии в Москве в 1623/24 г.³⁰ Описанные автором события 20-х гг. XVII в. — почти сплошь общерусские, причем подбор фактов за это время сближает Бельский летописец с другими — Пискаревским, Новым, Мазуринским, кратким летописцем, включенным в состав «Иного сказания», летописцем за 1619—1691 гг., новгородской Забелинской летописью. В них читаем о доставке в Москву «христовой срачицы», браке Михаила Федоровича, московском пожаре 1626 г.³¹ Правда, совпадений не обнаруживается, поэтому общерусские по содержанию статьи Бельского летописца нельзя возводить ни к одному из перечисленных летописных произведений. Не исключено, однако, что в рассматриваемом летописце использовано какое-то сочинение московского происхождения. Это мог быть и летописец. Возможно, что автор воспользовался рассказами служилых людей столицы.

Бросается в глаза стилистическое сходство летописных рассказов о буре и выходе горы на оз. Бросна, о небесных знаменьях 1599—1601 и 1624—1626 гг. В сообщениях автора о захвате тушинцами Мнишек и взятии Белой в 1632 г. отмечено, что с. Верховье находится в 30 верстах от Белой.³² Это наряду с интересом к событиям в Бельском и других западнорусских уездах позволяет считать летописец в части до 1632/33 г. произведением одного автора.

Н. А. Казаковой были высказаны интересные методические соображения насчет локализации летописных памятников. По ее мнению, приурочивая такие произведения «к определенным центрам России», ученый должен проявлять «максимальную осторожность и учиты-

²⁸ Там же. С. 265—266.

²⁹ В. И. Корецкий справедливо считает рассказы служилых людей Бельского и соседних уездов одним из источников летописца (*Корецкий В. И.* 1) Новое о крестьянском крепощении. . . С. 130, 136; 2) Формирование крепостного права. . . С. 70).

³⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 239—241, 266.

³¹ Ср.: там же: С. 220, 266—268; М., 1965. Т. 14. С. 151—153; т. 31. С. 160, 180; РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. XIII. Стб. 137—139; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. С. 275, 276. — Отметим, что статьи новгородской Забелинской летописи о шведском посольстве, московских пожарах, рождении царевича Алексея и царевны Анны М. Н. Тихомиров возводит к хронографу, тогда как они заимствованы из Нового летописца.

³² ПСРЛ. Т. 34. С. 239, 248, 267, 270.

вать совокушность ряда данных: удельный вес местных известий, близость к памятникам, о которых доподлинно известно, что они возникли в том центре, с которым исследователь намеревается связать изучаемую летопись, наконец, место бытования списков Вельского летописца, то окажется, что судьба его списка неизвестна, близких к летописцу памятников западнорусского происхождения мы не знаем,³⁴ а доля сообщений о событиях в Вельском и соседних уездах в изучаемом памятнике не слишком велика. Думается, его надо относить не к местным летописцам, а к тем, которые А. Н. Насонов именвал общерусскими провинциальными.³⁵ Не исключено, что Вельский летописец, как предполагает В. И. Корецкий, возник на западе России, но есть и основания полагать, что он составлен (в части до 1632/33 г.) «на Москве».³⁶ Видимо, в столице автор скорее, чем в провинции, мог раздобыть нигде больше не встречающиеся послания Лжедмитрия I патриарху Иову³⁷ и рязанскому «владыке» Игнатию, «эпистолию» Гермогена, адресованную, по В. И. Корецкому, Первому земскому ополчению, а также шертную грамоту Магмет-Гирея.

Обстоятельность изложения и деловой тон роднят Вельский летописец с разрядными книгами. Несомненно, составитель использовал «разряды», так как часто приводит подробные сведения о воеводских назначениях и службах. Его знакомство с разрядными записями прослеживается с сообщения о посылке войск «в Тарки» в 1602/03 г., если не с известия об основании Царева-Борисова, и вплоть до описания кампании 1632/33 г. Кстати, в рукописи летописец соседствует с разрядной книгой (В. И. Корецкий не называет «разряды» среди источников летописца).

Судя по заключительной летописной статье, ее автор участвовал в походе боярина Ю. А. Долгорукого к Копыси и Дубровне в 1664 г., после чего, как и остальные служилые люди, был отпущен домой.

³³ Казакова И. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // ВИД. Л., 1981. XII. С. 70.

³⁴ В числе источников памятника В. И. Корецкий называет местные сказания и летописцы, но это не более чем догадка. Отдаленной параллелью Вельскому летописцу может служить только повесть об участии смоленских служилых людей в событиях Смуты, написанная не ранее 1625 г. О ней см.: Енин Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры: Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 12—22.

³⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 346. — Примером такой летописи является Вологодская (или Уваровский летописец), составленная в основной части около 1673 г. (Казакова И. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. С. 78, 84, 90).

³⁶ По мнению Р. Г. Скрышников, гипотеза о появлении летописца в районе Белой нуждается в более тщательной аргументации (Скрышников Р. Г. Россия после опричнины. С. 173).

³⁷ Послание выдержано в издательском по отношению к Иову духе. Вероятно, подобный характер имела и грамота, написанная самозванцем Борису Годунову и известная из описи посольского архива (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 392). Не в близких ли к правительству кругах получил автор летописца послания Лжедмитрия I?

Эта статья в стилистическом отношении отлична от других, она является лаконичной и протокольно-сухой военной хроникой, передающей последовательность событий. Она сродни разрядным записям и свидетельствам кратких летописцев. Вряд ли концовка памятника и предыдущие его статьи вышли из-под пера одного автора. По-видимому, рассказавший о кампании 1664 г. служилый человек продолжал летописец, состоящий в части за 1598—1632/33 гг. из сообщений общероссийского и западнорусского характера. Так как последняя статья летописца сохранилась без начала и конца, нельзя думать, что в рукописи представлен ее оригинал.

В. И. Корецкий убедительно связывает появление летописца со служилыми людьми западнорусского происхождения.³⁸ Можно попытаться конкретизировать этот взгляд. В летописных известиях за 1632 и 1664 гг. говорится об участии в военных действиях князя И. С. Прозоровского. Его отец С. В. Прозоровский фигурирует в рассказах о событиях под Торопцом, Тихвином и в районе Белой в 1610/11, 1612—1613/14, 1632 гг. Роль Прозоровских в освобождении Белой освещена особенно детально. Напрашивается предположение: не был ли автор летописца (в части до 1632/33 г.) близок к Прозоровским? Эту близость мог сохранить и его продолжатель, писавший в последней трети XVII в.

Итак, Вельский летописец, являющийся общерусской провинциальной летописью, сохранился со значительными пропусками. Особенно существенна утрата текста за период с 1632/33 до 1664 г. Летописное повествование, обрывающееся на рассказе о Смоленской войне, можно приписать одному автору — служилому человеку из западных уездов России, вероятно, из Вельского. Допустимо предположение о том, что источниками этой части памятника послужили летописец или другое историческое сочинение московского происхождения и западнорусский летописец. Помимо того, составитель использовал «разряды» и воспоминания бельских служилых людей, ушедших в 1618 г. в Москву, где, возможно, и появился текст летописца за 1598—1632/33 гг. Заключительная статья памятника написана не ранее 1667 г. и другим автором — участником только что закончившейся войны между Россией и Речью Посполитой. Составитель основной части летописца и его продолжатель, возможно, были связаны с князьями Прозоровскими.

Д. А. ВЫСОЦКИЙ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ЧЕЛОБИТНЫЕ XVII в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди многочисленных и разнообразных источников по русской истории XVII столетия коллективные дворянские челобитные занимают особое место. Уже с середины XIX в. они появляются в поле

³⁸ Интерес автора к служилому люду проявляется постоянно. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 238—240, 243, 247—250, 258, 259, 263, 264, 266, 271.